

Слишком много братской любви? – «Братство» русских и украинцев как нарратив российской пропаганды

Марина Стародубская

Управляющий партнер консалтинговой компании TLFRD,

<https://www.tlfrd.com>

Магистр управления, адъюнкт-профессор Киево-Могилянской Бизнес-школы, <https://www.kmbs.ua>

Аннотация: В данной статье на основе результатов межкультурных исследований показано, что народы Украины и России весьма отличны по шкале индивидуализм-коллективизм, лежащей в основе национальной идентичности. В ней утверждается, что идея русско-украинского братства, по сути – миф, основанный, возможно, на весьма ограниченных культурных деталях или чрезмерно широком описании характера, а не на базовой идеологии общества. Иллюзии братства – это продукт пропаганды, основанной на ряде нарративов о странах (включая Украину), которые Россия считает «сферой своего влияния» и безуспешно пытается вернуть под свой контроль. Ключом к пониманию таких нарративов и их логики служит понимание мотивов России, государства с традициями авторитаризма и стабильно сильным идеологическим неприятием демократических ценностей. Межкультурные исследования дают более глубокое и широкое понимание глубинных отличий между русским и украинским народами. Примерно 50 % различий в национально-культурных ориентациях уникальны для страны и коренятся в устойчивых отличиях траекторий исторического развития. Особенно интересно соотношение индивидуализма и коллективизма в русской и украинской культурах и их влияние на институты, ибо эти параметры относятся к наиболее характерным культурным отличиям. Автор утверждает, что четкие различия в культурах можно увидеть, наблюдая за очевидной эволюцией и разной значимостью институтов.

Ключевые слова: братские народы, Украина, Россия, межкультурное сравнение, ценности, институты.

Вступление

Возможно, никакой иной российский миф об Украине не посеян в нашу память и ментальность так глубоко, как то, что «украинцы и русские – братские народы».¹ Несколько поколений украинцев выросли, будучи уверенными, что у них есть историческое сходство и связь с русскими, которых на самом деле никогда не было. В реальности слова о «братских народах» – продукт пропаганды, основанный на ряде нарративов о странах, которые Россия считает «сферой своего влияния» и безуспешно пытается вернуть под свой контроль. Особенно она хочет сделать «снова своей» Украину.² Понимание мотивов России, государства с традициями авторитаризма³ и стабильно сильным идеологическим неприятием демократических ценностей,⁴ является ключом к пониманию таких нарративов и их логики. Межкультурные исследования дают свидетельства и более глубокое и широкое понимание глубинных отличий между русским и украинским народами. Примерно 50 % различий в национально-культурных ориентациях уникальны. Они коренятся в устойчивых отличиях траекторий исторического развития, несмотря на последствия глобализации и международное экономическое сотрудничество.⁵ Особенно интересно для понимания этих различий соотношение индивидуализма и коллективизма в русской и украинской культурах и их влияние на институты. Эти параметры относятся к наиболее характерным культурным отличиям, то есть определяют многие различия между национальными культурами.⁶ В данной статье мы покажем, используя результаты межкультурных исследований, что народы Украины и России весьма отличны по шкале индивидуализм-коллективизм и отнюдь не «бра-

¹ Irina Khaldarova, “Brother or ‘Other’? Transformation of Strategic Narratives in Russian Television News during the Ukrainian Crisis,” *Media, War & Conflict* 14, no. 1 (2021): 3-20, <https://doi.org/10.1177/1750635219846016>.

² Dmitry Gorenburg, “Russian Foreign Policy Narratives,” *Security Insights*, no. 042 (George C. Marshall European Center for Security Studies, November 2019), <https://www.marshallcenter.org/en/publications/security-insights/russian-foreign-policy-narratives-0>.

³ “Freedom in the World 2021: Russia,” Freedom House Country Report, 2021, <https://freedomhouse.org/country/russia/freedom-world/2021>.

⁴ Eugene Rumer and Richard Sokolsky, “Grand Illusions: The Impact of Misperceptions About Russia on U.S. Policy,” Paper (Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, June 30, 2021): 23-25, <https://carnegieendowment.org/2021/06/30/grand-illusions-impact-of-misperceptions-about-russia-on-u.s.-policy-pub-84845>.

⁵ Sjoerd Beugelsdijk and Chris Welzel, “Dimensions and Dynamics of National Culture: Synthesizing Hofstede With Inglehart,” *Journal of Cross-Cultural Psychology* 49, no.10 (November 2018): 1469-1505, 1469, <https://doi.org/10.1177/0022022118798505>.

⁶ Anu Realo, Jüri Allik, and Maaja Vadi, “The Hierarchical Structure of Collectivism,” *Journal of Research in Personality* 31, no. 1 (March 1997): 93-116, <https://doi.org/10.1006/jrpe.1997.2170>.

тья». Учитывая скудность рецензируемых исследований украинской национальной культуры, выводы основаны на научных трудах, данных международных аналитических центров и независимых СМИ.

Как речные берега: каким образом национальная культура формирует и «цементирует» институты страны

Национальная культура формируется веками, под влиянием ландшафта, климата, местоположения страны, войн и правящих режимов, взаимодействия и стратификации в обществе, и сильно зависит от пройденного пути, или, проще говоря, устойчива к переменам.⁷ Национальная культура постоянно даёт конкретные проявления на индивидуальном и общественном уровне. Именно она в первую очередь формирует институты – механизмы общественного выбора, распределения политического влияния и стойких закономерностей поведения. Институты могут быть формальными (правила, законы и механизмы их соблюдения) и неформальными (саморегулирование, кодексы этики и поведения, условности, глубоко укоренившиеся социальные нормы).⁸ Но когда институты развились и укоренились, они сами начинают «направлять» национальную культуру – так, как высокие берега направляют и сдерживают реку – не допуская таким образом быстрых и внезапных культурных сдвигов.⁹ Институты структурируют социальное взаимодействие людей, поддерживая общее правомерное понимание реальности¹⁰ (что происходит, и что из этого следует). Поэтому никакие серьёзные изменения в национальной культуре не возможны без глубоких институциональных изменений.

Возьмём, например, явление коррупции. Связи и кланы появились ещё в царской России и возродились у новых правящих классов в советские времена, а затем и среди политической элиты 1990-х гг. Они охраняли личные интересы участников. Вместе с глубоко укоренившейся традицией «правового нигилизма»,¹¹ они подрывают функции чиновничества и по сей день

⁷ Beugelsdijk and Welzel, “Dimensions and Dynamics of National Culture,” 1497-1498.

⁸ Daron Acemoglu, Simon Johnson, and James A. Robinson, “Institutions as a Fundamental Cause of Long-Run Growth,” in *Handbook of Economic Growth*, vol. 1A, edited by Philippe Aghion and Steven N. Durlauf (Amsterdam and Boston: Elsevier, North-Holland, 2006), 385-472, <https://economics.mit.edu/sites/default/files/publications/institutions-as-the-fundamental-cause-of-long-run-.pdf>.

⁹ Alberto Alesina and Paola Giuliano, “Culture and Institutions,” *Journal of Economic Literature* 53, no. 4 (December 2015): 898-944, 901-904, <http://dx.doi.org/10.1257/jel.53.4.898>.

¹⁰ Alexander Fürstenberg, Sebastian Starystach, and Andrzej Uhl, “Culture and Corruption: An Experimental Comparison of Cultural Patterns on the Corruption Propensity in Poland and Russia,” *European Journal of Criminology* (2022), 5-6, <https://doi.org/10.1177/14773708221081017>.

¹¹ Manabu Suhara, “Corruption in Russia: A Historical Perspective,” in *Democracy and Market Economics in Central and Eastern Europe: Are New Institutions Being Consolidated?* ed. Tadayuki Hayashi (Sapporo: Hokkaido University, 2004), 383-403.

служат кормушкой для коррупции.¹² Базовый принцип коррупции в России – «плати тем, кто выше тебя в иерархии, и будь лоялен, работая на своё обогащение».¹³ Коррупция – это путь наверх по социальной лестнице, попутное укрепление связей с «нужными» людьми и выплата «ренты» тем, кто выше, в знак лояльности. В таком обществе расположить к себе тех, кто наверху, гораздо важнее, чем «выполнять свою работу». Пока сохраняется модель этих неформальных непрозрачных отношений, она будет препятствовать развитию и функционированию формальных, прозрачных институтов.

В Украине коррупция имеет иные институциональные причины. Она коренится преимущественно в неверии в способность государственных институтов системно выполнять свои функции. Когда территория Украины была поделена между Австро-Венгрией и Россией, эти части развивались разными путями: на Западе Габсбурги покровительствовали украинцам в противовес полякам, а на Востоке Романовы подавляли всякую местную идентичность. Поэтому разные взгляды на геополитическую роль Украины и голосование на выборах и сегодня сохраняются на этих территориях. Одна тяготеет к России, другая – к Европе по своей национальной идентичности, культурной ориентации, силе общественных связей и гражданской активности, что ежедневно проявляется через неформальные институты, такие, как семья и местное сообщество.¹⁴ Будучи главными «кругами доверия», семья и местное сообщество остаются самыми мощными неформальными институтами в Украине, в то время как институты власти имеют наинизшие рейтинги доверия с 1991 г., когда Украина обрела независимость, и по сей день: до российского вторжения в феврале 2022 г. 37,5 % украинцев доверяли институтам государства, 19,8 % доверяли судам, 34,6 % доверяли полиции, и 30,1 % доверяли другим украинцам, которых они впервые видят (кроме Вооружённых сил с уровнем доверия 70,1%).¹⁵

¹² Susanne Schattgenberg, "Korruptes Rußland? Russische Verwaltungskultur im 19. Jahrhundert," *Themenportal Europäische Geschichte* (2007), www.europa.clio-online.de/Portals/_Europa/documents/B2007/E_Schattgenberg_Beamte.pdf.

¹³ Noah Buckley, "Corruption and Power in Russia," *Russia Political Economy Project* (Foreign Policy Research Institute, April 2018): 9-12, <https://www.fpri.org/wp-content/uploads/2018/04/Buckley.pdf>.

¹⁴ Leonid V. Peisakhin, "Living Historical Legacies: The 'Why' and 'How' of Institutional Persistence – The Case of Ukraine," *SSRN*, September 1, 2010, 4-7, <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1666548>.

¹⁵ *Ukraine in World Values Survey 2020: Resume of the Analytical Report* (Kyiv, Ukraine: NGO Ukrainian Centre for European Policy, 2020), 5-8 https://ucep.org.ua/wp-content/uploads/2020/11/WVS_UA_2020_report_ENG_WEB.pdf.

«Слоёный пирог» национальной культуры: как её можно изменить, и почему это так долго?

Чтобы понять, как может меняться национальная культура, следует рассмотреть три ее уровня, которые дополняют друг друга и имеют разные периоды «изменений»: (1) базовые представления, (2) убеждения и ценности; (3) нормы поведения и артефакты.

Для заметного сдвига в национальной культуре должны произойти изменения на самом глубоком уровне – «*базовых представлений*»,¹⁶ смыслообразующих шаблонов, которые общество воспроизводит «по умолчанию» из поколения в поколение, для изменения которых нужны века.¹⁷ Например, к базовым представлениям украинской национальной культуры относится свобода (воля) – возможность принимать важные решения без давления и принуждения,¹⁸ что характеризуется прежде всего гибким и необязательным подходом к правилам и ограничениям,¹⁹ где равенство, справедливость и ответственность менее важны, чем свобода.²⁰ В то же время среди базовых представлений русской национальной культуры – несамостоятельность населения при принятии решений и насилие как средство достижения послушания и уважения. Модели взаимодействия «вертикальны», принудительны, а не «горизонтальны» и основаны на диалоге:²¹ «принуждение вместо убеждения», «внушение вместо объяснения», и «компромисс – это слабость».²²

Следующий уровень проявления национальной культуры в социальном взаимодействии и индивидуальном осмыслении содержит «*убеждения и*

¹⁶ Kwasi Dartey-Baah, “The Impact of National Cultures on Corporate Cultures in Organisations,” *Academic Leadership: The Online Journal* 9, no. 1 (Winter 2011), статья 47, 5, <https://scholars.fhsu.edu/alj/vol9/iss1/47/>.

¹⁷ Ronald Inglehart and Wayne E. Baker, “Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values,” *American Sociological Review* 65, no. 1 (February 2000): 19-51, 40-50, <https://doi.org/10.2307/2657288>.

¹⁸ S. Kolyshko, M. Parashchevyn, and V. Yavorsky, “What Ukrainians Think of Human Rights: Assessment of Change” (Kyiv, Ukraine: Center for Information on Human Rights and Democratic Initiatives Foundation, 2018), 15-18, <https://dif.org.ua/uploads/pdf/19484532155c0fae449caba5.69437042.pdf>.

¹⁹ William David Brice and Wayne D. Jones, “The Cultural Foundations of Family Business Management: Evidence from Ukraine,” *Eurasian Journal of Business and Economics* 1, no. 1 (2008): 3-23, 18, www.ejbe.org/EJBE2008Vol01No01p03BRICE-JONES.pdf.

²⁰ Kolyshko, Parashchevyn, and Yavorsky, “What Ukrainians Think of Human Rights,” 15-18.

²¹ Valery Chirkov, et al., “Differentiating Autonomy from Individualism and Independence: A Self-Determination Theory Perspective on Internalization of Cultural Orientations and Well-Being,” *Journal of Personality and Social Psychology* 84, no. 1 (2003): 97-110, 100, 103, 104, <https://doi.org/10.1037/0022-3514.84.1.97>.

²² Richard D. Lewis, *When Cultures Collide: Leading Across Cultures* (Boston/London: Nicholas Brealey International, 2006), 372-379, <http://www.utntyh.com/wp-content/uploads/2011/11/When-Cultures-Collide.pdf>.

ценности» – мотивирующие принципы, «сигнализирующие» как нужно взаимодействовать с окружением в конкретных ситуациях. Для их изменения нужны десятилетия.²³ Многочисленные исследования, в частности, Ингельгарта, Бейгелсдейка и Велцеля, показывают, что хотя убеждения и ценности меняются, эти изменения не радикальны и идут по пути, определённого базовыми представлениями конкретной национальной культуры.

Основные отличия в убеждениях и ценностях украинцев и русских проявляются через отношение к понятию руководства, самостоятельности и национальной идентичности, подкрепленное наследием авторитаризма в России²⁴ и отсутствием такого наследия в Украине:²⁵

- *Правители/руководители*: В русской культуре способность доминировать, ломая писанные и неписанные правила, вмешиваться в предпочтения подчинённых без потребности что-либо объяснять им²⁶ — ключевые признаки авторитета, а подчинение своих интересов интересам старших членов «своей группы» не только нормально, но и ожидаемо по умолчанию.²⁷

В украинской культуре руководитель пользуется авторитетом, если подчинённые верят, что он учитывает их интересы при принятии решений – эта вера была частью институциональной ткани страны даже в советские времена.²⁸ Если руководитель утрачивает легитимность, его можно свергнуть, что регулярно и случилось в истории Украины, включая три революции («на граните» в 1990 г.; «Оранжевая революция» 2004 г. и «Евромайдан» 2014 г.) только за последние 30 лет.

- *Самостоятельность населения при принятии решений*: Согласно данным GLOBE Project, к важным практическим проявлением ценностей русской национальной культуры относится невозможность получить желаемый результат без агрессии, слабый учёт социально-

²³ Beugelsdijk and Welzel, “Dimensions and Dynamics of National Culture,” 1485-1487.

²⁴ Ben Judah, “The Terrible Truth So Many Experts Missed about Russia,” *Slate*, February 28, 2022, <https://slate.com/news-and-politics/2022/02/ukraine-invasion-putin-ruling-alone.html>.

²⁵ Nataliya Kibita, “‘Why Isn’t Ukraine Authoritarian?’ Asks Nataliya Kibita,” Ukrainian Research Institute (HURI), Harvard University, July 11, 2019, <https://huri.harvard.edu/news/why-isnt-ukraine-authoritarian-asks-nataliya-kibita>.

²⁶ Marlies Glasius, “What Authoritarianism Is ... and Is Not: A Practice Perspective,” *International Affairs* 94, no. 3 (May 2018): 515-533, 525, <https://doi.org/10.1093/ia/iyy060>.

²⁷ Maaja Vadi and Michael Vereshagin, “The Deposit of Collectivism in Organizational Culture in Russia: Some Consequences of Human Resources Management,” *Baltic Journal of Management* 1, no. 2 (May 2006): 188-200, 190-192, <https://doi.org/10.1108/17465260610663881>.

²⁸ Kibita, “‘Why Isn’t Ukraine Authoritarian?’.”

этических принципов, ориентация на проблемы, а не на исполнение, и недостаток человечности – как в целом, так и в отношении начальника с подчинёнными.²⁹ Проще говоря, желаемое состояние русских масс можно описать как «выученная безнадёжность». Жизненно важные решения делегируют узкому кругу, «верхушке» данного сообщества и затем «спускают» вниз для исполнения, не заботясь об обсуждении или убеждении – всё это свойственно авторитарным государствам.³⁰

В украинском обществе возможность принимать важные решения без давления и принуждения – важный критерий качества жизни, в основном из-за традиции разрешения политических разногласий путём переговоров (а не укрепления власти)³¹ и сильного регионального распределения политической власти.³² Украинская культура, даже коллективистская и иерархичная, характеризуется 56 % граждан, ожидающих от власти обеспечения равных условий и возможностей при ответственности каждого за их использование, а четыре главные ценности (после свободы) – справедливость, безопасность, равенство и достоинство.³³

- *Национальная идентичность*: После распада СССР Россия растеряла остатки национальной идеи, которая ранее строилась на сохранении «величия» страны путём подчинения других стран. С тех пор Россия пыталась «снова стать великой», «спасая русскоговорящее население» в соседних странах, считая их «младшими братьями», которых надо «вернуть домой».³⁴ Последний живой пример отсутствия национальной идеи в России – явление «победобесия»: этот мем означает одержимость воображаемой победой России в «Великой отечественной войне» и утверждения, что в этой войне победил «один народ», тем самым отрицая роль Украины в этом фундаментальном событии. Он проявляется в нарративах российской пропаганды, направленных на оправдание ее попыток принудительно

²⁹ “Culture and Leadership Study (2004),” Globe Project, <https://globeproject.com/results/countries/>.

³⁰ В 2021 г. Freedom House присвоил России глобальный рейтинг свободы 20 из 100, рейтинг свободы прессы организации «Репортеры без границ» поставил Россию на 155-е место из 180 стран, а индекс демократии Economist Intelligence Unit отнёс России 124-е место из 167 стран.

³¹ Bohdan Ben, “Why Has Ukraine Succeeded as a Democracy, Contrary to Russia and Belarus?” *Euromaidan Press*, March 7, 2021, <https://euromaidanpress.com/2021/03/07/why-is-ukraine-a-democracy-huri-conference/>.

³² Kibita, ““Why Isn’t Ukraine Authoritarian?””

³³ Kolyshko, Parashchevyn, and Yavorsky, “What Ukrainians Think of Human Rights,” 15-18.

³⁴ Robert Person and Michael McFaul, “What Putin Fears Most,” *Journal of Democracy* 33, no. 2 (April 2022): 18-27, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/what-putin-fears-most/>.

навязать Украине пророссийские ценности и культуру и противопоставить Россию и ее «младших недоразвитых ‘братьев’ [Украину, Беларусь, Молдову] ‘коллективному Западу’».³⁵

Украина никогда не проявляла признаков имперских амбиций или черт. Напротив, в ее национальной культуре глубоко укоренено презрение ко всему авторитарному, а национальная идея (пусть не формализованная и еще не легитимизированная общенациональными общественными дискуссиями) всегда вращалась вокруг свободы (воли), выбора и отсутствия принуждения. В частности, после распада СССР в Украине не возникло всеобъемлющей недемократической национальной идентичности. Конечно, существуют разные представления и источники национальной идентичности, но ни одно из них не является обязательным, чтобы монополизировать власть и навязать свои взгляды и видение всему обществу.³⁶

Самый заметный уровень национальной культуры – «*нормы поведения и артефакты*»,³⁷ включая ожидания, нормы и символы, которые обозначают желательные и нежелательные форматы социальных взаимодействий и для изменения которых нужны годы. Поведение и артефакты относительно более подвержены изменениям на всех уровнях национальной культуры, но это изменение поверхностно, а не фундаментально. Ни временные изменения в поведении, ни мимикрия, ни общие убеждения и ценности (даже под давлением) не могут изменить национальную культуру, пока не изменятся ее базовые представления.

Среди наиболее ярких различий в нормах поведения русских и украинцев — волеизъявление и самовыражение во время опасности и невзгод. С 24 февраля 2022 г. Россия с населением около 140 миллионов человек демонстрирует поразительную пассивность населения и отсутствие массовых протестов, в то время как Украина, где проживает в четыре раза меньше людей, чем в России, только за последние 30 лет пережила три революции, глубоко затронувшие общество. Впрочем, ничего удивительного в таком положении вещей нет. Россия относится к числу наиболее атомизированных (инконгруэнтных) обществ мира, где, как показывают приведенные ниже исследования, гражданин является «подданным», лишенным выбора системного воздействия на свою жизнь и иллюзий его наличия.

³⁵ Stephen Hutchings and Joanna Szostek, “Dominant Narratives in Russian Political and Media Discourse during the Ukraine Crisis,” *E-International Relations*, April 28, 2015, <https://www.e-ir.info/pdf/55707>.

³⁶ Yitzhak M. Brudny and Evgeny Finkel, “Why Ukraine Is Not Russia: Hegemonic National Identity and Democracy in Russia and Ukraine,” *East European Politics and Societies* 25, no. 4 (November 2011): 813-833, 817-820, 828, <https://doi.org/10.1177/0888325411401379>.

³⁷ Dartey-Baah, “The Impact of National Cultures on Corporate Cultures in Organisations,” 5.

Это особенно видно из данных исследований InfoSapiens,³⁸ указывающих на пассивность россиян, что проявляется в признании 36 % русских о неспособности повлиять на собственную жизнь (18 % украинцев считают так же) и 38 % русских – о способности влиять на свою жизнь (53 % украинцев считают так же). Еще один фактор, подтверждающий их пассивность – неготовность россиян предпринять какие-то конкретные действия, чтобы остановить «специальную операцию». Хотя 30 % из них считают, что «Россия [кто именно?] должна прекратить «специальную операцию», лишь 19 % сказали, что они остановили бы «специальную операцию», если бы это решение зависело от них. Более того, несмотря на многочисленные публичные уверения о «стремлении к миру», указанные исследования показывают, что 66% русских поддерживают «специальную операцию» в Украине, 71% считают «специальную операцию» справедливой, 69 % чувствуют гордость, и 64 % уверены в «специальной операции». Лишь 12 % русских стыдно за «специальную операцию».

Приведённые выше данные InfoSapiens показывают различие русских и украинцев в присущих им нормах поведения и артефактах. Русские в основном считают себя «жертвой» обстоятельств, что указывает на более глубокую внешнюю локализацию контроля и делегирования ответственности за принятие решений внешним силам, в данном случае – президенту Путину. Глубокое недоверие украинцев к власти как формальному институту порождает крайне критическое отношение к её действиям в мирное время, но во время кризиса (войны) общество консолидируется перед лицом опасности. Например, рейтинг президента Зеленского среди людей с устойчивыми политическими предпочтениями вырос с 26 % до февраля 2022 г. до 82 % в апреле 2022 г.

Исследование VoxUkraine показывает резкие различия в предпочтении свободы и демократических либеральных ценностей у русских и украинцев. В частности, в 2020 г. украинцы сочли свободу самой главной ценностью, по сравнению даже с равенством и безопасностью. Для 70 % свобода была предпочтительнее равенства, для 30 % – предпочтительнее безопасности. В России 55 % предпочли свободу равенству и 24 % – безопасности. Для понимания этих данных важно учитывать, что в глазах украинцев свобода сочетается с низким уровнем насилия – лишь 10 % считают, что для достижения справедливости нужна война, а в России так думают больше 25 %. Кроме того, демократию считают обязательной формой правления 82 % украинцев и 74 % русских.³⁹

³⁸ Elena Koneva, Alexander Chilingaryan, and Inna Volosevych, “Mirror of the ‘Military Operation,’” *InfoSapiens* (2022), 6-10, https://www.sapiens.com.ua/publications/socpol-research/230/Mirror_ENG_1_06.pdf.

³⁹ Larysa Tampilina, “What Makes Us, Ukrainians, Different from Russians? Aspirations for Freedom, Liberal Democracy, and Inclusive Society as the Primary Markers for the Ukrainian-Russian Divide!” *VoxUkraine*, March 24, 2022, <https://voxukraine.org/en/what-makes-us-ukrainians-different-from-russians-aspirations-for-freedom-liberal->

Если бы не глубоко укоренившееся в России авторитарное наследие, можно было бы утверждать, что приведенные выше данные отражают поликультурность и многонациональность страны. Однако, принимая во внимание сильную внешнюю локализацию контроля у россиян, на жизнь которых в подавляющем большинстве случаев влияют внешние силы и обстоятельства, нормы поведения и артефакты, описанные в исследованиях InfoSapiens и VoxUkraine, по-видимому, прочно опираются на отсутствие субъектности и делегирование принятия решений – вынужденную пассивность, говоря простым языком.⁴⁰

“Стиральная машина у меня есть, на даче сделал ремонт, где моя империя?”⁴¹

Если Россия и Украина столь различны, то почему некоторые ведущие системы анализа национальных культур (в частности, Хофстеде,⁴² GLOBE, Тромпенаарс,^{43,44,45} Холл^{46,47}) считают, что эти две страны имеют схожие культурные измерения и траектории развития ценностей? Причина таких, казалось бы, идентичных представлений кроется в фокусе исследований Хофстеде, Тромпенаарса и авторов GLOBE, которые рассматривают каждую культуру как общий набор основных ценностей, определяющих поведение

democracy-and-inclusive-society-as-the-primary-markers-for-the-ukrainian-russian-divide/.

⁴⁰ Fons Trompenaars and Charles Hampden-Turner, *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business* (London: Nicholas Brealey, 2000), 54-155.

⁴¹ Цитата из интервью Константина Эггерта, политического обозревателя телеканала «Дождь», для <https://hromadske.ua>.

⁴² “Hofstede Insights: Country Comparison – Ukraine and Russia,” *Hofstede Insights*, <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/russia,ukraine/>.

⁴³ Janez Prašnikar, Marko Pahor, and Jasna Vidmar Svetlik, “Are National Cultures Still Important in International Business? Russia, Serbia and Slovenia in Comparison,” *Management* 13, no. 2 (2008): 1-26, 16, <https://hrcak.srce.hr/file/46579>.

⁴⁴ Laura Deichmann and Line Bohn, “Scandinavian Management across Cultures: An Empirical Study of Cultural Differences between Denmark and Ukraine,” Master Thesis (May 15, 2017), 181-182, https://research-api.cbs.dk/ws/portalfiles/portal/60763285/311145_Laura_Line_master_thesis_2017.pdf.

⁴⁵ Trompenaars and Hampden-Turner, *Riding the Waves of Culture*.

⁴⁶ World Population Review 2022, “High Context Countries 2023,” <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/high-context-countries>.

⁴⁷ Seppo Tella, “The High Context vs. Low Context Cultures,” in *Two Cultures Coming Together*, ed. Seppo Tella, Part 3. Theory and Practice in Communicative Foreign Language Methodology, *Studia Paedagogica* 10 (Helsinki, Finland: Department of Teacher Education, Vantaa Institute for Continuing Education, University of Helsinki, September 1996), 22-28, https://www.researchgate.net/publication/339553785_The_High_Context_vs_Low_Context_Cultures.

их представителей; однако каждая система отличается определением этих ценностей.⁴⁸

Хофстеде определяет культуру как «коллективное программирование разума, которое отличает членов одной группы или категории людей от другой... системы ценностей являются ключевым элементом культуры», а ценности – как «широкие тенденции предпочтения некоторого положения дел другому..., системы или иерархии, которые не обязательно должны находиться в состоянии гармонии: большинство людей одновременно разделяют несколько противоречивых ценностей».⁴⁹

Тромпенаарс определяет культуру как «способ, которым группа людей решает проблемы и улаживает дилеммы... она организует ценности в ментальные программы», а ценности – как «более глубокий слой культуры... дающий определения добра и зла».⁵⁰

У GLOBE культура определяется как «общие мотивы, ценности, убеждения, идентичности и интерпретация или понимание значимых событий, которые являются результатом общего опыта членов коллективов, передаваемого из поколения в поколение», а ценности – как «одобряемые культурой ожидания [поведения]».⁵¹

Холл определяет культуру как «общение; общение – это и есть культура». Его исследования сосредоточены на проявлениях культуры на микроуровне, в частности, на передаче скрытого смысла в «контексте» сопутствующих обстоятельств. По логике Холла, значение, передаваемое высококонтекстными культурами, должно интерпретироваться с учетом его контекста (отношений, предшествующей истории, ситуации, статуса, времени, места и т. д.). Напротив, низкоконтекстные культуры передают значение в основном через слова, а сопутствующие обстоятельства не важны для его интерпретации.⁵²

Ни один из упомянутых подходов прямо не фокусируется на влиянии формальных и неформальных институтов страны на отличия ценностных ориентиров поведения при изучении конструкторов более высокого порядка. В объяснениях действия компонентов национальной культуры институты

⁴⁸ Peter Magnusson et al., “Breaking Through the Cultural Clutter: A Comparative Assessment of Multiple Cultural and Institutional Frameworks,” *International Marketing Review* 25, no. 2 (April 2008): 183-201, <https://doi.org/10.1108/02651330810866272>.

⁴⁹ Geert H. Hofstede, *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*, 2nd ed. (Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001), 30-38.

⁵⁰ Trompnaars and Hampden-Turner, *Riding the Waves of Culture*, 13-23.

⁵¹ GLOBE Project, “Global Leadership & Organizational Behavior Effectiveness,” https://GLOBEProject.com/study_2004_2007#data.

⁵² James W. Neuliep, “The Cultural Context,” in *Intercultural Communication: A Contextual Approach*, 8th Ed., Chapter 2 (Thousand Oaks, United States: SAGE Publications, 2020), 61-67.

упоминаются как влияющий фактор, один из трех дифференциаторов национальной культуры; два других – это идентичность и ценности.⁵³

Институты страны играют решающую роль в том, как ее ценности и убеждения проявляются в повседневном поведении – в первую очередь, институты, сформированные культурой страны.⁵⁴ Допустим, формальные институты страны эффективны (выполняют свою функцию без необходимости «обходить» их), легитимны (принимаются гражданами, а не навязаны им), ориентированы на общество (а не самосохранение любой ценой), конгруэнтны (не противоречат социальным нормам) и подотчетны (имеются сдержки и противовесы). В этом случае они будут функционировать иначе и формировать другое поведение, чем если бы указанные характеристики были противоположными.⁵⁵ Иными словами, формальные институты эффективны, только если они соответствуют убеждениям, ценностям и социальным нормам страны, формирующим модели поведения, характерные для данной национальной культуры.

Далее цитируемое исследование показывает, что ключевые (но не все) различия между культурами России и Украины касаются институционально «запрограммированных» культурных измерений на общественном и индивидуальном уровнях, хотя некоторые (не все) измерения культур этих двух стран имеют одинаковый рейтинг.

В системе Хофстеде показано, что Украина и Россия имеют сопоставимые уровни удалённости от власти (толерантность к неравенству власти в обществе), избегания неопределённости (насколько опасны неоднозначные ситуации) и долгосрочной ориентации (сила связей между прошлым и настоящим, степень прагматизма в следовании традициям).⁵⁶ В системе Тромпенаарса обе страны – коллективистские, партикуляристские, эмоциональные, склонны относить события на чужой счёт и синхронны.^{57,58}

Главная причина такого сходства лежит в уровне анализа национальных культур Хофстеде и Тромпенаарсом, каковыми в основном являются ценности, как направляющие принципы норм поведения, но не сами нормы.

⁵³ Geert Hofstede, Gert Jan Hofstede, and Michael Minkov, *Culture and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival* (McGraw Hill, 2010), 21-23.

⁵⁴ Peter Bevington Smith and Michael Harris Bond, "Cultures and Persons: Characterizing National and Other Types of Cultural Difference Can Also Aid Our Understanding and Prediction of Individual Variability," *Frontiers in Psychology* 10 (November 2019), Article 2689, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.02689>.

⁵⁵ Daron Acemoglu and Matthew O. Jackson, "Social Norms and the Enforcement of Laws," Working Paper No. 20369 (Cambridge, MA: National Bureau of Economic Research, August 2014), 246-250, <https://doi.org/10.3386/w20369>.

⁵⁶ "Hofstede Insights: Country Comparison – Ukraine and Russia."

⁵⁷ Prašnikar, Pahor, and Svetlik, "Are National Cultures Still Important in International Business?" 16.

⁵⁸ Deichmann and Bohn, "Scandinavian Management across Cultures," 181-182.

Например, в измерениях Хофстеде из-за вышеупомянутых институциональных различий удалённость от власти проявляется, как борьба за статус путём доминирования и принуждения в России и путём установления «связей с нужными людьми» в Украине. Избегание неопределённости в России проявляется, как принятие решений «сверху вниз» и минимальная субъектность на нижних уровнях общества. В Украине же это культурное измерение проявляется через краткосрочное планирование и сосредоточение на «плохих сценариях» при принятии решения.

В измерениях Тромпенаарса склонность в основном относить события на чужой счёт в России проявляется путём демонстрации начальником своей способности обеспечить послушание и пиетет подчинённых путём давления и доминирования. В Украине то же измерение проявляется через принадлежность к «группе», как предварительное условие любого сотрудничества, от личного до профессионального. Ещё одним примером из модели культуры Тромпенаарса может служить локализация внешнего контроля, свойственная и России, и Украине. В России ориентация внешнего контроля проявляется в добровольной передаче субъектности и самостоятельности подчинённых начальникам. В Украине же это измерение проявляется в восприятии правил и сроков, как подвижных и гибких: обстоятельства – не «оправдание», но весомая причина задержки.

В системе Холла Россия и Украина принадлежат к высококонтекстным культурам славянства и Центральной Европы,⁵⁹ но при интерпретации значений, передаваемых в обеих культурах, необходимо учитывать разный контекст. Особенно отличаются взгляды на авторитет (абсолютный в России и временный в Украине), руководство («сверху вниз», директивное в России и «сверху вниз», патерналистское в Украине), статус (внушающий страх в России и принятый «группой» в Украине) и другие элементы контекста национальной культуры.

На момент написания этой статьи данные исследований проекта GLOBE по Украине отсутствовали. Украина начала участвовать в исследовании в 2020 г., и данные ожидаются в ближайшее время (согласно сайту GLOBE).

Другим важным фактором при сравнении русской и украинской национальных культур является то, что большинство систем межкультурного анализа (Хофстеде, GLOBE, Тромпенаарс, Холл) рассматривают индивидуализм и коллективизм как «разные полюса» и, соответственно, взаимоисключающие культурные «измерения». Этот подход проверен десятилетиями теоретических и эмпирических исследований, однако он не полностью объясняет различия в социальных нормах и институционально закреплённых моделях поведения в странах, формально подпадающих под определение «индивидуалистских» или «коллективистских».

⁵⁹ Tony Morden, "Models of National Culture – A Management Review," *Cross Cultural Management: An International Journal* 6, no. 1 (1999): 19-44, 23, <https://doi.org/10.1108/13527609910796915>.

Разницу в проявлениях индивидуализма и коллективизма в национальных культурах можно объяснить, используя подход к национальным культурам, как к «симптомам», основанный на межкультурной психологии, предложенный Триандисом⁶⁰ и подтверждённый в многочисленных теоретических и эмпирических исследованиях. Подход к «культурам как симптомам» постулирует, что когда национальные культуры анализируют на общественном и индивидуальном уровнях, индивидуализм и коллективизм проявляются, как два разных измерения (а не «разные полюса»), которые не исключают друг друга и могут сосуществовать в одной культуре. Иными словами, есть разные виды индивидуализма и коллективизма. В национальной культуре они могут сосуществовать в разных «пропорциях» и «комбинациях» и принимать разные формы. Коллективистские общества могут обладать некоторыми индивидуалистскими ценностями, убеждениями и поведением, так же как индивидуалистские общества могут нести черты коллективизма. Частота и степень этих проявлений может меняться в зависимости от контекста и ситуации.

«Горизонтальные модели»⁶¹ общественных отношений основаны на презумпции эгалитаризма, постулирующей, что все члены общества равны, и это равенство (прав, возможностей, статуса, потенциала и т.д.) является основой функционирования институтов страны. Как следствие, люди реализуют свою уникальность и субъектность, стремятся к продуктивному взаимодействию с другими людьми и сосредоточены на поддержании значимых связей и отношений. В таких обществах иерархические системы и отношения – не главное, и наблюдается тяга к равному, а не статусному взаимодействию.

«Вертикальные модели»⁶² общественных отношений основаны на презумпции, что все люди в обществе разные – по своему месту в институтах и отношениях иерархии, или в силу статуса, приобретённого при продвижении в системах этого общества. Следовательно, страны, тяготеющие к иерархическому взаимодействию, где люди стремятся выделиться, а лучше – доминировать над другими или приобрести более высокий статус, дают больше возможностей «продвинуться», имея низкий статус. В таких обществах люди и группы делятся на «важных» и «неважных» для достижения конкретных целей, и значение по-настоящему имеют только интересы, права и цели первых. Ниже на основе описанных выше институциональных

⁶⁰ Harry C. Triandis, "The Psychological Measurement of Cultural Syndromes," *American Psychologist* 51, no. 4 (1996): 407-415, <https://doi.org/10.1037/0003-066X.51.4.407>.

⁶¹ Theodore M. Singelis, Harry C. Triandis, Dharm P.S. Bhawuk, and Michele J. Gelfand, "Horizontal and Vertical Dimensions of Individualism and Collectivism: A Theoretical and Measurement Refinement," *Cross-Cultural Research* 29, no. 3 (January 1995): 240-275, <https://doi.org/10.1177/106939719502900302>.

⁶² Singelis, Triandis, Bhawuk, and Gelfand, "Horizontal and Vertical Dimensions of Individualism and Collectivism."

и методологических соображений рассмотрены три базовых институциональных отличия между Украиной и Россией.

Отличие №1: Украина — демократия, презирующая автократию, а Россия — автократия, презирующая демократию

Россия — авторитарное государство, не знавшее в своей истории сколько-нибудь значительного периода демократического правления или активной заинтересованности в демократических общественных нормах.⁶³ При персональной автократии ключевые решения в России принимает один человек (последним диктатором такого типа был Сталин⁶⁴). Исследования показывают, что лишь 12,5 % таких диктаторов теряют власть относительно быстро, обычно вследствие смерти — с помощью или без помощи высшего генералитета — или переворота.⁶⁵ Для России демократия неприемлема и опасна, поскольку она побуждает самостоятельно мыслить широкие слои населения, которое, соответственно, становится менее подверженным управлению путём давления и принуждения.⁶⁶

В русской культуре важно не только выделяться своим статусом, но и доминировать над теми, кто находится на более низких уровнях иерархии (вплоть до насилия), а также демонстрировать свою способность вызывать почтение, что дает доступ к взаимодействию с лицами сопоставимого статуса.⁶⁷ В таком обществе те, кто не принадлежит к «группе» — «чужаки», на которых смотрят, как на «врагов».

Украина же всегда была принципиально против авторитарности, в частности, в силу исторических причин, включая частую смену правителей (местных и пришлых) разной политической ориентации, что дало весьма отличные пути институционального развития, политическое поведение и взгляды на «национальную идею».⁶⁸ На территориях, находившихся под управлением Австро-Венгрии, развивались демократические нормы.⁶⁹ Активное диссидентское движение 1960-х гг. и регионализм сочетался с политикой поиска консенсуса, свойственной Украине накануне распада СССР.⁷⁰

⁶³ Michael McFaul, "Russia's Road to Autocracy," *Journal of Democracy* 32, no. 4 (October 2021): 11-26, <https://www.journalofdemocracy.org/articles/russias-road-to-autocracy/>.

⁶⁴ Judah, "The Terrible Truth So Many Experts Missed About Russia."

⁶⁵ Jessica L.P. Weeks, "Strongmen and Straw Men: Authoritarian Regimes and the Initiation of International Conflict," *SSRN*, December 15, 2011, 12, <https://doi.org/10.2139/ssrn.1748516>.

⁶⁶ Person and McFaul, "What Putin Fears Most."

⁶⁷ Kemmelmeier et al., "Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies," 306-307.

⁶⁸ Peisakhin, "Living Historical Legacies: The 'Why' and 'How' of Institutional Persistence," 5-8.

⁶⁹ Ben, "Why Has Ukraine Succeeded as a Democracy, Contrary to Russia and Belarus?"

⁷⁰ Kibita, "Why Isn't Ukraine Authoritarian?"

Кроме того, Украина как страна никогда долго (столетиями) не существовала в одних и тех же границах, при поколениях схожих правителей, чтобы там выработался подход к государственности любого рода, не говоря уже об авторитаризме. Сейчас Freedom House классифицирует Украину как «гибридный режим» (частично свободный), где свобода существенно ограничена российской аннексией Крыма и территорий, захваченных в 2014 г. и после 24 февраля 2022 г.⁷¹

Для украинцев важно быть успешными и выделяться своим статусом, но главное для них – защитить свои интересы, а не доминировать. Всё это должно происходить синхронно с целями «группы»,⁷² принадлежность к которой повышает качество жизни и обеспечивает продуктивное взаимодействие с (часто) слабыми институтам. Жертвовать своими интересами для «своих» – не требование «по умолчанию», но сознательный выбор с учётом целей и статуса;⁷³ те, кто не принадлежит к «группе» – «чужие», но не обязательно «враги».

Отличие №2: Коллективизм в Украине и России не одинаков

Хотя и Россия, и Украина имеют преимущественно коллективистскую культуру (во всех основных системах межкультурного анализа), тип коллективизма в этих обществах не одинаков, а индивидуализм часто проявляется по-разному.

Украина исторически была вертикальным коллективистском обществом, из-за большой удалённости от власти, относительно консервативных и иерархических православных религиозных основ и высокого избегания неопределённости, что вместе требовало усиленного контроля, «что будет завтра», и необходимости всегда «откладывать на чёрный день».⁷⁴ Далее, глубокая нетерпимость к авторитарности и сложности формирования территории, при оккупации разных частей Украины двумя культурно отличными империями, дали «смесь» двух типов коллективизма: вертикального

⁷¹ Freedom House Country Report-2021, Ukraine.

⁷² Anna Tychmanowicz, Sara Filipiak, and Zoriana Sprynska, “Extravert Individualists or Introvert Collectivists? Personality Traits and Individualism and Collectivism in Students in Poland and Ukraine,” *Current Psychology* 40 (2021): 5947-5957, 5950-5954, <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00480-x>.

⁷³ Beata Glinkowska and Viacheslav A. Chebotarov, “A Comparative Cross-Cultural Analysis of the Profile of a Modern Ukrainian Manager: The Imperatives of the Future in the Context of Internationalization,” *Comparative Economic Research. Central and Eastern Europe* 21, no. 3 (2018): 63-74, 69-71, <https://doi.org/10.2478/cer-2018-0019>.

⁷⁴ Tychmanowicz, Filipiak, and Sprynska, “Extravert Individualists or Introvert Collectivists?” 5950-5954.

(навязанной иерархии, доминирования) и горизонтального (легитимизированной «групповой» иерархии, диалога).⁷⁵ Такая смесь коллективизмов в Украине дополнительно приправлена заметным вертикальным индивидуализмом, вызванным тяготением общества к независимости и особому личному статусу без необходимости подчинения власти или иерархии (но при подчинении – сознательном).⁷⁶ Иными словами, личная свобода (пусть даже «в группе» с легитимными руководителями) является основой украинской национальной культуры.

Россия всегда была вертикальной коллективистской страной, это изменение по шкале «индивидуализм-коллективизм» доминирует на индивидуальном и общественном уровнях, в значительной степени – из-за укоренившегося наследия авторитарности с царских до советских и постсоветских времён.⁷⁷ Исследования показывают сильную склонность авторитарных режимов к вертикальному коллективизму, прежде всего проявляющуюся в жестком соблюдении социальных норм, почтении к власти и узаконенной агрессии к отклонениям в поведении.⁷⁸

Природа русского коллективизма такова, что «горизонтальные» практики (диалог, убеждение путём объяснений и аргументации, поощрение самостоятельного мышления и принятия решений) в обществе столетиями подавлялись. Это привело к преобладанию «вертикальных» практик, поощрению открытого агрессивного доминирования как способа продвинуться в социальных отношениях и немедленного подчинения навязанной власти, где убеждение, соблюдение договоренностей и открытый обмен информацией считаются признаками несолидных людей.⁷⁹ Индивидуализм в таком обществе проявляется преимущественно на высших уровнях общественной иерархии – то есть нужно «проявить себя в группе» и «заслужить» право на самовыражение, доминируя и подавляя других.

⁷⁵ Leonid Borysenko, “Ukrainian Culture: Individualism or Collectivism?” in *Frontier Problems of Modern Psychology* (conference proceedings) (Kherson: Gelvetika, 2016), Psy-ArXiv Preprints, 60-62, <https://doi.org/10.31234/osf.io/a5j2c>.

⁷⁶ Леонід Борисенко, «Структура культурного синдрому «індивідуалізм-колективізм» в Україні», Дипломна робота спеціаліста з психології (березень 2022), 87-88, <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.25349.42728>.

⁷⁷ Sharon Shavitt, Timothy P. Johnson, and Jing Zhang, “Horizontal and Vertical Cultural Differences in the Content of Advertising Appeals,” *Journal of International Consumer Marketing* 23, no. 3-4 (May 1, 2011): 297-310, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4279851/>.

⁷⁸ Kemmelmeier et al., “Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies,” 304, 306, 307.

⁷⁹ Chirkov et al., “Differentiating Autonomy from Individualism and Independence,” 98, 104.

Отличие №3: Разные роли, характер и история развития институтов в Украине и России

Украина имеет историческое наследие сложного развития формальных институтов, в частности, из-за длительных периодов совершенно разного «отношения» стран-завоевателей. После разделов Речи Посполитой в 1772 и 1795 гг. территория нынешней Западной Украины была поделена между Российской и Австрийской империями. В последующие 150 лет население испытывало весьма разные «влияния» завоевателей: подавление украинской национальной идентичности, языка, культуры в России и сравнительная поддержка и разрешение проявлять своё «украинство» под Австрией.⁸⁰ В 1939 г. бывшие субъекты двух вышеупомянутых империй были объединены в границах Советской Украины, страны, получившей независимость в 1991 г. Это «институциональное наследие» колониального периода сохранилось до нынешнего времени, после более чем 50 лет советской власти. В 2013 г. на «бывших русских» территориях на 25 % больше украинцев хотели связи с Россией, а не Европой, и на 15 % меньше были готовы участвовать в протестах, чем на «бывших австрийских».⁸¹

Такая долговечность социальных установок и моделей поведения объясняется силой неформальных институтов в украинском обществе – тесных локальных социальных групп (сообществ) с сильными узловыми участниками из числа «элит». Национальная идентичность и связанные с ней убеждения, ценности и модели поведения, усвоенные этими деятелями, оставались практически неизменными, пока существовало сообщество.⁸² Этим явлением «узких групп доверенных лиц» объясняется преимущественное использование украинцами не формальных, а неформальных институтов и поиск знакомств или «рекомендованных лиц» при взаимодействии с последними, как своего рода «страховки» на случай, если формальный институт не выполняет свою функцию.

В то же время доверие к формальным институтам в Украине всегда было низким – с немногочисленными исключениями, когда указанные институты играли очевидно нужную роль в обществе. Осенью 2022 г. наивысший рейтинг доверия украинцев имела церковь (70 %) и институты, связанные с защитой страны: Вооружённые силы (96 %) и гуманитарные НПО (78 %). Средним было доверие к университетам (62 %) и полиции (55 %), а правительству доверяли 51,5 % и одновременно не доверяли 48 %, телевидению доверяли 51 % и не доверяли 49 %, прессе доверяли 49 % и не доверяли 50 %. Полити-

⁸⁰ Leonid V. Peisakhin, “In History’s Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?” EPSA 2013 Annual General Conference Paper 286, SSRN, January 1, 2013, 5-7, <https://ssrn.com/abstract=2224765>.

⁸¹ Peisakhin, “In History’s Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?” 21, 24.

⁸² Peisakhin, “In History’s Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?” 32.

ческим партиям не доверяли 77 % украинцев, судам не доверяли 72 %, банкам – 66 %, Верховной Раде – 77 %, крупному бизнесу – 57 %, и выборам как институту – 56 % населения.⁸³

Схема развития институтов в России кардинально отличается от украинской – прежде всего из-за влияния её авторитарного наследия на функционирование институтов. Среди ключевых социальных результатов авторитарных режимов — подавление самостоятельности населения, подавление воли и принудительное соблюдение норм, отражающих интересы «верхов» социальной иерархии.⁸⁴ Это ведёт к пассивности населения (36 % русских оценили свою возможность влиять на собственную жизнь от 1 до 4 из 10 баллов⁸⁵), глубокому недоверию к формальным институтам из-за их карательно-принудительного характера, и обиде «низов» социальной иерархии на элиту — настолько, что коррумпированное поведение рассматривается как один из способов «отомстить» или «обыграть» систему.⁸⁶ Такое сочетание результатов ведёт к отрицанию большей частью населения России войны в Украине. «Это не война, а специальная операция», «гражданским ничто не угрожает», и «мы ни на кого не нападали» – не просто пропагандистские нарративы. Это «мантры», которым реально верит большинство россиян из-за промывания мозгов «людьми наверху, которые лучше знают», целыми поколениями.

Ещё одной особенностью русской культуры в институциональном контексте (например, в отношениях начальников и подчинённых) является связь между доверием и контролем, резко отличная от того, что мы видим в Европе, включая Украину. В большинстве европейских культур доверие и контроль взаимоисключающи: чем выше доверие начальника к подчинённым, тем меньше нужно контроля для обеспечения выполнения задания. В русской культуре доверие и контроль сосуществуют и не исключают друг друга, создавая отношения созависимости, в которых начальник не может полностью доверять подчинённым. Последние ожидают и даже желают строгого контроля, делегируя субъектность и ответственность за свои действия и решения первому.⁸⁷

⁸³ Довіра до соціальних інститутів, політико-ідеологічні орієнтації громадян України (2022), *Центр Разумкова*, <https://razumkov.org.ua/napriamky/sotsiologichni-doslidzhennia/otsinka-gromadianamy-sytuatsii-v-kraini-dovira-do-sotsialnykh-institutiv-politykoideologichni-orientatsii-gromadian-ukrainy-v-umovakh-rosiiskoi-agresii-veresen-zhovten-2022r>.

⁸⁴ Kimmelmeier et al., "Individualism, Collectivism, and Authoritarianism in Seven Societies," 306-307.

⁸⁵ Koneva, Chilingaryan, and Volosevych, "Mirror of the 'Military Operation,'" 6-10.

⁸⁶ Lewis, *When Cultures Collide*, 372-379.

⁸⁷ Virpi Outila, Irina Mihailova, B. Sebastian Reiche, and Rebecca Piekkari, "A Communitative Perspective on the Trust-control Link in Russia," *Journal of World Business* 55, no. 6 (October 2020): 100971, 4-11, <https://doi.org/10.1016/j.jwb.2018.11.001>.

Данные многочисленных исследований показывают, что украинский и русский народы, несмотря на историю взаимодействия и относительную географическую близость, весьма отличны по наследию государственного управления, взаимосвязи и типу индивидуализма и коллективизма, а также модели институционального развития. Несмотря на некоторое сходство в культурных измерениях удалённости от власти, избегания неопределённости и долгосрочной ориентации, разные базовые представления украинской и русской культур определяют разные пути проявления убеждений, ценностей и поведения на институциональном и индивидуальном уровне. А учитывая главное отличие двух народов в явном предпочтении самостоятельности, децентрализованном принятии решений и презрении к принуждению (Украина) и принудительном подчинении, делегировании ответственности наверх и легитимизации агрессии (Россия), ничего «братского» между ними нет.

Заключение

Учитывая относительную скудность данных межкультурных исследований Украины как таковой и в сравнении с Россией, данная статья закладывает базу для дальнейших исследований. Недостаточность основанного преимущественно на ценностях культурного анализа (пусть убедительного и доказательного) не позволяет полностью раскрыть отличия национальных культур Украины и России. Одно из перспективных направлений исследований – степень зависимости институционального наследия от пройденного пути и влияние на нормы поведения и артефакты в этих двух странах. Еще одним многообещающим направлением исследований могут быть измерения региональных субкультур в Украине и России, учитывая размер и внутреннее этническое разнообразие обеих стран. Такие исследования могут быть полезны и помочь прояснить результаты при помощи баз анализа культуры на макроуровне, в частности, Хофстеде и Тромпенаарса. Особенно интересна «приграничная культура» Украины, как её называет Борисенко,⁸⁸ которую нелегко классифицировать как коллективистскую или индивидуалистскую, ибо она одновременно имеет проявления обоих этих измерений. Триандисова парадигма горизонтальных и вертикальных измерений коллективизма/ индивидуализма могла бы послужить серьёзной методологической основой для таких исследований.

Эта статья, естественно, имеет свои ограничения, в основном связанные с недостатком данных межкультурных исследований Украины. Еще одно перспективное направление исследований – междисциплинарный анализ влияния формальных и неформальных институтов в Украине и России на экономические результаты каждой страны и соответствующие нормы поведения и артефакты граждан: принятие решений, соблюдение закона, вос-

⁸⁸ Borysenko, "Ukrainian Culture: Individualism or Collectivism?" 61.

приятие и отношение к коррупции/кумовству, условия и последствия доверия в обществе. Как подчёркивает в своей работе Пейсахин,^{89,90} такие исследования помогут установить, какого рода институты имеют наибольшее влияние, почему, как они меняют схемы поведения в национальной культуре, и сохраняется ли это влияние после исчезновения института (например, авторитарного правления).

Исследование проявлений горизонтального и вертикального индивидуализма и коллективизма в Украине и России могло бы быть достаточно перспективным направлением, поскольку система анализа национальных культур Триандиса наиболее полезна для демонстрации основ различий между культурами этих стран.

Примечание

Представленные здесь взгляды принадлежат исключительно автору и не выражают официальную позицию Консорциума военных академий и институтов изучения проблем безопасности программы «Партнерство ради мира», организаций-участниц или издателей Консорциума.

Благодарность

Connections: The Quarterly Journal, Vol. 21, 2022, выходит при поддержке правительства Соединенных Штатов Америки.

Об авторе

Марина Стародубская – Магистр управления кадрами Лондонского университета, Бирбекский колледж; адъюнкт-профессор Киево-Могилянской Бизнес-школы (Украина); приглашенный лектор Школы управления Delta Тартуского университета (Эстония), Школы бизнеса и управления Таллиннского технологического университета (Эстония) и Института Магеллана (Париж, Франция). Кроме того, она – Управляющий партнер консалтинговой компании TLFRD. *Электронная почта:* starodubska@tlfrd.com

⁸⁹ Peisakhin, “In History’s Shadow: Do Formal Institutions Leave a Cultural Legacy?” 34-35.

⁹⁰ Peisakhin, “Living Historical Legacies: The ‘Why’ and ‘How’ of Institutional Persistence,” 31.